УСАНОВКА НА ЛУГУ

Кочнева А.Н.

Я никогда не видела, как плачут мужчины. Мальчишки в классе после напрасной драки и безответно влюбленные рыцари в фильмах – не в счет. А в тот день – увидела. И растерялась. И запомнила – навсегда. И понять пытаюсь до сих пор – почему? Как так случилось? И кто тому виной?

…Мы стоим с дедушкой на горе, за спиной у нас молчаливый деревенский погост. Внизу – куда ни кинь взгляд – луга. А под горой – Усановка. Родина моего деда и деревня детства моей мамы. Сколько всего я слышала про Усановку! И были, и небылицы рассказывал мне дед, а мама – стишок рассказала. Стишок, который слышала от своей бабушки:

На угоре Чертаково
Наклонилось и ревет,
А другое Чертаково
Уговаривать идет.
Мне про них совсем не горе –
Усановка на лугу!
Наглядеться не могу!

Когда я была поменьше, думала, что Чертаково – это черти. Потом поняла, это – название соседних с Усановкой деревень, которых нет уже давным-давно. И подумалось мне – как же надо любить свою маленькую деревеньку, чтобы считать ее самой лучшей, чтобы стихи про нее складывать? Ведь что в ней необычного?

Да, стоит она на берегу широкой Ирени, зимой утопает в снегах, весной в белоснежной черемухе. Но тысячи таких деревень по России. Да, жили в ней трудолюбивые люди, работали от зари до зари, добротные дома ставили, любовно украшали окна резными кружевами наличников. Детей растили, мечтали, чтобы доля им выпала счастливая. Но и в остальных деревнях работали не покладая рук, хлеб сеяли, детей уму-разуму учили.

А дед смотрит вниз, на свою Усановку, и по щеке катится слеза. Не знаю, что сказать. Стою рядом. Смотрю вдаль. Дед вздыхает и говорит: «Вот тебе и «наглядеться не могу…». Обветшалые крыши, поля, сплошь усеянные мелким ельником, пустые улицы. Пугающая тишина.

Мы спускаемся в деревню. Некогда крепкие, осанистые дома стыдливо отворачивают от нас глазницы выбитых окон. Бурьян выше человека, упавшие палисадники, в которых буйно цветут горькая редька – желтое море мелких цветочков.

По той широкой улице, где раньше кипела жизнь, где сотня детишек бегала в школу, где ходила новая рабочая техника, теперь лишь два раза в неделю проезжает газель районного предпринимателя – спасает от голодной смерти местных стариков – привозит хлеб.

«Хорошо хоть колхоз успел дорогу выправить до райцентра, а то хоть матушку-репку пой» – говорит дед.

Идем по улице. Доходим до школы. Тихо. Только пчелы летают – на кипрее вкусный нектар. А школа, в которой всю жизнь проработала моя прабабушка, гордо смотрит на нас сквозь листву берез и малиновые цветы Иван-чая голубыми яркими наличниками. «Узнала меня» – улыбается дедушка – «Стоит, не падает. Ждет, надеется на что-то».

Мы идем дальше по длинной, не в один километр, улице. Доходим до белой церкви. «Крышу закрыли в этом году» – говорит дед. Только молиться здесь скоро станет некому…

Садимся в машину и едем домой. «В цивилизацию» – грустно шутит дедушка. А за спиной остается Усановка – одна из сотен тысяч умирающих деревень нашей Родины. Деревень-кормилиц, спасших от голода Родину после войны, не давших сломиться стране в лихие годы.

Мы уехали. Усановка осталась. И над бескрайними ее лугами лишь ветер поет:

Усановка на лугу –
Наглядеться не могууу…

г. Пермь, МАОУ «СОШ № 109», 4 «А» класс
Руководитель: Ашлапова Л.В., г. Пермь, МАОУ «СОШ № 109», Учитель начальных классов